

Веселов

Это была авантюра! Авантюра чистой воды! Но, подписавшись на нее, соскакивать никто даже и не подумал.

Собирались быстро, в рекордно короткие сроки, считай, за месяц урегулировали все дела на Большой земле. Да, они уже начали считать свой привычный скучный мир Большой землей! Как несмышленные пацаны, честное слово! Хотя, если уж начистоту, несмышленьшем ни один из них не был: все состоявшиеся, вполне себе обеспеченные, бывалые. Но все равно пацаны, потому что только пацан добровольно, да еще и с радостью согласится на такое безрассудство.

Идею подкинул Гальяно. Кто бы сомневался?! Вот как-то получалось у него замутить что-нибудь такое-этакое! С легкостью, надо сказать, получалось. «Лидерские качества», — говорил Гальяно. «Слабоумие и отвага», — думал Веселов. Думать-то думал, а в спике отважных и слабоумных был вторым после Гальяно. В прошлом году они участвовали в автогонке по Сахаре. Не ралли «Париж — Дакар», конечно, но тот еще экстрим. Причем экстрим начался сразу на этапе подготовки и всяких там бюрократически-таможенных заморочек. Одно дело — десантироваться в центре Африки налегке и совсем другое — перекинуть туда технику.

Но справились! То ли лидерские качества помогли, то ли бабки, то ли просто везение. Хотя насчет везения Веселов мог бы поспорить. Ту песчаную бурю они еще очень долго будут вспоминать. А песок из салона своего внедорожника он выгребал, наверное, еще полгода после возвращения. Из мыслимых и немыслимых мест! Зато Гальяно, шельмец, как-то враз стал звездой «Ютьюба». Сам стал и всех остальных, безвинных жертв своей неумной гордыни, звездами сделал.

Сначала снимали для себя, для архива. Репортаж начали прямо от крыльца гальяновского дома. По приколу, так сказать, по очереди. Но лучше всего получалось именно у Гальяно. Была у него чуйка и на красивый кадр, и на крутые сцены. И друзья, безвинные жертвы его авантюры, по факту выходили крутыми брутальными мужиками, чистыми берсерками, покорителями непознанных земель. С Гальяно, конечно, никому из них было не сравниться, но у каждого из них хватало и последователь, и поклонниц. А потом и спонсоры подтянулись. Кто бы думал, что у ютьюбовского баловства может оказаться такой потенциал?! Вот, к примеру, сейчас бюрократические заморочки оказались бы уже не их проблемами, а заботой спонсоров. И монетизация канала, опять же. Гальяно все пытался «делиться награбленным», но они отмахивались. Не такие уж там деньги, чтобы их делить! Да и понимали все, что канал держится исключительно на его харизме и энтузиазме. Передумает Гальяно быть звездой «Ютьюба», и закроется лавочка. Были берсерки, крутые мэны, да все вышли! Но Гальяно пока не передумывал. Все еще с энтузиазмом забавлялся с этими интернет-игрушками. И как только Лена терпе-

ла? Наверное, от большой любви. Потому что, несмотря на харизму и сонмы поклонниц, любил Гальяно только свою жену. Да что там любил?! Боготворил! И сына своего, которого в узком семейном кругу звали Денисом Гальянычем, обожал. У Гальяно всегда получалось жить на полную катушку: и любить, и дружить, и искать приключения на пятую точку.

Он позвонил Веселову в середине декабря, сказал, не здороваясь:

— Димон, есть тема! На все про все у нас пару недель. Управимся?

— Управимся. — Хотя, по-хорошему, сначала нужно было спросить, что за тема, но кто ж думал, что тема внезапно окажется такой масштабной и даже экстремальной!

Детали предстоящей экспедиции — а Гальяно запланировал целую экспедицию! — обсуждали в «Тоске» под привычные и милые сердцу унылые завывания очередного непризнанного дарования из андерграунда. Дарований регулярно пригревал под своим крылом Жертва, хозяин «Тоски». Пригревал, ждал, пока птенцы несмышленные оперятся, и выпускал в большую жизнь. К слову сказать, в мире андеграунда у Жертвы были имя и вес, стать его протеже мечтали многие, но счастье выпадало единицам. И уж если выпадало, то держались за предоставленную возможность «птенцы» крепко — и когтями, и клювами, соглашались работать за миску похлебки и хмурый взгляд благодетеля. И как у Жертвы получалось овладеть умами и душами? Веселов не понимал, хотя сам — что греха таить! — гордился знакомством со столь неординарным человеком. Ну и статусом VIP-клиента тоже

гордился. Несмотря на мрачность антуража и нарочитую неприветливость персонала, в «Тоске» имелась атмосфера. Нет, не так! В «Тоске» имелась Атмосфера. А еще вкусная стряпня и хороший алкоголь. Причем алкоголь для каждого ВИП-клиента Жертва выбирал сам, соответственно своим представлениям о душевном состоянии оно-го. Ошибался крайне редко. А может, и вовсе не ошибался. С Веселовым проколов точно не было.

— Куда, говоришь, покатимся? — Молодое дарование завывало слишком громко, так громко, что Веселову пришлось перегнуться через столик, чтобы расслышать, что говорит им Гальяно.

— На севера! — сообщил Гальяно и легкомысленно махнул рукой.

— На севера — это почти как на юга... — с тоской изрек Жертва, который как раз в этот момент завис над Веселовым с бутылкой шотландского односолодового виски двенадцатилетней выдержки. — Ездили тут у меня однажды на юга... — добавил он почему-то мечтательно.

— Севера, дружок, это какое-то слишком размытое географическое понятие. — Односолодовый виски плескался пока только в бокале, а не в желудке, и Веселову удавалось сохранять здравомыслие. — Конкретизировать не желаете ли? Куда нам путь держать?

Прежде чем ответить, Гальяно порылся в щегольском кожаном портфельчике. Приятелю удивительным образом удавалось сочетать в себе черты и неукротимого берсерка, и городского денди. Гремучая смесь для дамочек...

— Вот на эти севера! — сказал он, раскладывая в центре стола карту и постукивая пальцем по жирной

красной точке, которая, на неискушенный взгляд Веселова, находилась не просто на Севере, а на Крайнем Севере.

— Это же конец географии, — с мрачным удовлетворением сообщил Чернов, третий берсерк из их автобанды.

— Не надо так драматизировать, Вадим Николаевич! — Гальяно ласково погладил карту. — Это Хивус, практически оплот цивилизации! Вы, вообще, слышали про Хивус?

— В общих чертах, — уклончиво ответил Чернов и нахмурился. Нахмуриться-то нахмурился, а вот глаз загорелся! Веселов подозревал, что и его собственный глаз... того. Потому что про Хивус, загадочный и заманчивый город будущего, не слышал разве что глухой.

Город Хивус, названный его основателем в честь лютого северного ветра, был очередным, в равной степени дорогим и одиозным бизнес-проектом олигарха Степана Тучникова. Что они там добывали, в этой вечной мерзлоте? Алмазы? Газ? Бивни мамонтов?.. Веселов не знал, но подозревал, что всего понемногу. Или помногу. С Тучниковым, отечественной версией Илона Маска, ничего нельзя знать наверняка. А Гальяно, выходит, знает?

— Закрытый вроде как городок, — сказал Чернов задумчиво и одним махом осушил придвинутую Жертвой стопку водки. — Город-солнце для избранных.

— Электрическое солнце. — Веселов потянулся за своим виски. — А кто у нас тут избранный? — Он с подозрением посмотрел на Гальяно.

— Типа я. — Тот со сдержанным достоинством поклонился. — Ну и вы до кучи! Вы ж берсерки! — Он

отсалютовал им бокалом с красным, как кровь, вином, осушил его до дна, а потом спросил: — Ну так как? Сгоняем на севера, в славный провинциальный городишко Хивус?

Они переглянулись, и сразу стало понятно, что сгоняют, непременно сгоняют и на севера, и в Хивус. Оставались лишь сущие пустяки — техническая часть экспедиции.

— На чем покатимся? — спросил Чернов. Вид у него сделался задумчивый, наверное, он уже мысленно пересматривал их железную «конюшню» в поисках подходящего «коня».

— А покатимся вот на этих девочках! — Гальяно с видом фокусника положил поверх карты яркий буклет, постучал пальцем по изображению «девочек».

Чернов одобрительно хмыкнул, Веселов так же одобрительно присвистнул.

— «Тойота», — сказал Гальяно и обвел их торжествующим взглядом. — Главный спонсор нашей прогулки, господа! — Он совершенно мальчишеским движением взъерошил свои изрядной длины волосы, широко улыбнулся. — Ну и еще с десяток спонсоров помельче. Экипировка, снаряжение, батончики там всякие энергетические. Вы уж извините, но все это добро придется рекламировать по ходу пьесы.

— Батончики? — Чернов приподнял одну бровь.

— Еще защитный крем для лица и мазь от ушибов и растяжений. Тебя, как травматолога, это должно взволновать. А батончики я возьму на себя, если что.

— Уже взволновало. — Чернов усмехнулся. — Пребываю в нетерпении.

— Внедорожника два? Или мне показалось? — спросил Веселов, разглядывая предложенный Гальяно буклет.

— Не показалось. Машины две, на одной поедем мы троим, остальные участники мероприятия присоединятся к нам на середине пути. Кстати, часть пути мы преодолеем по воздуху, машины на место пригонят автовозом. Там, на месте, мы затаримся всем самым необходимым, пройдем ТО и получим дальнейшие инструкции.

— Инструкции? — снова приподнял бровь Чернов. Он, как всякий босс, привык инструкции раздавать, а не получать.

— Кто остальные? — спросил Веселов. Его больше интересовала не техническая часть вопроса, а вот эта маленькая деталь. Если уж ехать на севера, то с людьми надежными и проверенными, а не какими-то там... — Мы их знаем?

— Одного знаю я, — сказал Гальяно после секундной заминки. — И точно знаешь ты, — он перевел взгляд на Чернова и добавил: — По крайней мере, вы с ним точно пересекались.

— Фамилии? — Чернов с задумчивостью разглядывал свою опустевшую рюмку.

— Имена, пароли, явки, — поддакнул Веселов.

— Будут... потом... — Гальяно от прямого ответа уклонился. Не к добру.

— Только не говори, что это кто-то из спонсоров решил поиграться в крутого мужика. — Присматривать за изнеженными цивилизацией и бабками неофитами у Веселова не было никакого желания. У Чернова, судя по мрачному выражению лица, тоже.

— Ну... — Гальяно развел руками, — определенные нюансы, несомненно, есть.

Чернов нахмурился, Веселов неодобрительно покачал головой.

— Но одно я вам могу гарантировать! — Гальяно продолжал излучать оптимизм. — Этим ребятам не нужно играть в крутых мужиков, они ими уже являются.

— Камень с души... — не слишком оптимистично заметил Чернов и многозначительно посмотрел на Жертву.

— А что за тайны мадридского двора? — не удержался Веселов. — Гальяно, мы не на пикник, между прочим, собрались, а в самый конец географии. Нам команда нужна нормальная и проверенная.

— Они проверенные, Димон. Там просто возникли какие-то... обстоятельства. — Гальяно снова неопределенно развел руками. — Но к тому моменту, как мы окажемся на месте, все разрешится, я обещаю. А если разрешится раньше, так я вам сразу же сообщу. Томить не стану, вы ж меня знаете!

Да, они его знали. На первый взгляд балабол и балбес, но лишь на первый взгляд. На Гальяно можно было положиться в любых обстоятельствах, даже самых экстремальных. И то ралли в Африке не единожды это подтвердило. Наверное, поэтому они и согласились подождать, потерпеть и довериться. Опять же, страсть как интересно посмотреть на чудо-город с нездешним, мистическим каким-то названием Хивус. Ну, и на его основателя посмотреть тоже любопытно, если уж на то пошло.

— Мне нужно знать сроки. — Чернов уже что-то прикидывал, рассчитывал. Ясное дело, ему нужны сро-

ки. Это он, Веселов, вольный охотник на тучных полях IT-сферы, сам себе хозяин и сам себе режиссер, а Чернов — хозяин серьезной медицинской конторы, которую совсем не хочется бросать без присмотра на неведомый срок.

— Сообщу, — кивнул Гальяно, — через пару дней всем все сообщу. — Мне сейчас важно получить ваше предварительное согласие.

Прежде чем ответить, они приняли на грудь то, что Жертва посчитал нужным им предложить.

— Предварительно согласен, — сказал Чернов, закусывая водку крошечным хрустким огурчиком. Согласно легенде, эти огурчики Жертва выращивал и солил собственноручно, оттого стоили они едва ли не больше того, что ими обычно закусывали.

— До пятницы я совершенно свободен, — кивнул Веселов и поверх опустевшего бокала посмотрел в дальний угол зала.

Там кипела бурная и громкая, совершенно несвойственная «Тоске» жизнь. Там назревала драка. Столик на столик, одни идиоты против других идиотов. И снудный, хлипкий с виду официант топтался у столиков, бубнил что-то нечленораздельное и озирался по сторонам. Очевидно, в поисках защиты и опоры.

Лицо Жертвы сделалось тоскливым и несчастным, левый глаз нервно задергался.

— Беда... — сказал он апатично.

— Да какая ж тут беда? — удивился Гальяно. — Зови Малыша!

Малыш малышом был лишь по паспорту, а на самом деле имел два метра роста и сто пятьдесят килограммов

живого веса. Он работал в «Тоске» вышибалой уже лет пять как.

— В отгуле. — Теперь уже Жертва озирался по сторонам. — Маменька у него приболела, поехал навещать. У нас же тут обычно тихо все, чинно-мирно.

— Было чинно-мирно, — многозначительно сказал Чернов. — Чьи детишечки?

— Да так... гопники и мажоры... залетные какие-то. — Жертва посмотрел на Чернова с надеждой, сказал просительно: — Вадим Николаевич, ты бы вразумил их, надавил, так сказать, авторитетом.

— Давить таких не передавить... — Чернов, кажется, что-то взвешивал.

А потасовка уже решительно перетекала в свою кульминационную фазу. Визжали девицы, рычали мажоры, матерились гопники, летали стулья. Тяжелые, дубовые стулья. Так и до смертоубийства недалеко.

Чернов вздохнул, снял пиджак, аккуратно пристроил его на спинку стула. Веселов тоже встал. Гальяно колебался. И не потому, что боялся ввязываться в драку, просто искал варианты мирного решения конфликта.

— Поспешите, господа! — взмолился Жертва, с сосредоточенным видом закатывая рукава своей длинной инквизиторской робы. — Материальный ущерб и удар по репутации...

— Репутация твоя непоколебима, — сказал Гальяно и тоже решительно встал из-за стола. В правой руке он сжимал бутылку с вином. То ли собирался допить остатки, то ли употребить бутылку в далеко не мирных целях.

В эпицентр событий выдвинулись дружной и несокрушимой командой. Вот только двигаться приходилось

«против течения». Посетители «Тоски» не желали воевать и спешили эвакуироваться от греха подальше. А битва тем временем разгоралась.

Веселов насчитал шесть участников, это если не принимать во внимание одного притихшего, свернувшегося клубочком под столом. Стенка на стенку, гопота против мажоров. Мажоров двое, гопоты, стало быть, четверо. Дрались все не на жизнь, а на смерть, потому что были то ли пьяны, то ли под какой-то дурью. Это уже Чернов мог бы сказать точнее, а Веселов в тонкости не вникал. Но молодняк — что гопота, что мажоры — был борзый и безбашенный, морды друг другу поразбивали уже до кровавой юшки. А у одного лысого и татуированного Веселов приметил кастет. Плохо дело...

— Жертва, хреново у тебя с фейсконтролем, — сказал Гальяно, половчее перехватывая бутылку. — Понапускали всяких...

На фейсконтроле должен был стоять все тот же отсутствующий по причине болезни маменьки Малыш, потому, видать, вот эти и просочились.

— Попробуем сначала договориться, — сказал Гальяно, а потом заорал во все горло: — Эй, ребятушки! А не пошли бы вы махаться на улицу! Здесь, между прочим, уважаемые люди отдыхают!

Ребятушки — все разом — замерли, ошалелыми, совершенно дикими глазами уставились на Гальяно. Препараты — подумал Веселов мрачно. Определенно, какая-то хрень.

— У тебя тут кто-то дурь толкает, — сказал он и неодобрительно посмотрел на Жертву.

Жертва посерел лицом, отчаянно замотал головой:

— Никогда такого не было.

— Никогда такого не было и вот опять...

— Ты что-то вякнул, дядя? — ласково и одновременно угрожающе спросил гопник с кастетом.

— Дядя?.. — Гальяно перевел обиженный взгляд с гопника на них с Черновым. — Всего-то третий десяток разменял.

Веселов сочувственно покивал. Так и есть, всего третий десяток, а уже дядя. Хорошо хоть, что не дед.

— Я полицию вызвал! — Тихий голос Жертвы сорвался на фальцет. — Уходите по-хорошему!

Ответом на их вполне мирное и логичное предложение стал забористый мат, а потом в Гальяно полетела бутылка пива. От бутылки Гальяно увернулся с небывалой для тридцатилетнего дяди ловкостью, и она разбилась о стойку.

— Ну, мы вас предупредили, — прорычал Гальяно и ринулся в бой.

Остальные ринулись следом. Девушки снова завизжали. На сей раз, кажется, от восторга. Мажоры и гопники взвыли и объединились против «дядь». Вот оно как бывает...

Их четверка орудовала молча и слаженно. Чернов отвешивал направо и налево тумачи и затрещины. Жертва грозно махал невесть откуда взявшейся бейсбольной битой, Гальяно не без удовольствия разбил бутылку о лоб гопника с кастетом. Веселову достался противник без кастета, но зато с ножиком. Действовать пришлось осторожно, чтобы не сломать отморожку руку. Хотя, сказать по правде, сломать очень хотелось.

Мажоры тоже не унывали и не отставали. Были бы в здравом уме, а не под дурью, давно бы воспользова-

лись ситуацией и сделали ноги. Но наркотики не щадят никого. Этот молодой и патлатый, с волосами, словно припорошенными пеплом, в драных джинсах и в футболке с логотипом «Металлики» сошел бы за нормального студента или даже айтишника-джуниора, если бы не глаза. Какого они были цвета, Веселов не мог разглядеть отчасти из-за скудного освещения, отчасти из-за огромных, на всю радужку, зрачков. Взгляд у парня был совершенно дикий, волчий. Он не рычал и не визжал, в отличие от братьев по разуму, двигался молча и быстро, с механической точностью и скоростью. Словно бы его мышцами управляли не нервные импульсы, исходящие из мозга, а кто-то со стороны. Подумалось, что дурью эти ребяташки закинулись какой-то особенной, забористой. По крайней мере, вот этот патлатый, похожий на молодого волка, мажор. Зря, кстати, подумалось. Потому что в сложившейся ситуации нужно было не думать, а действовать. Потому что тому, кто долго думает, прилетает первому. Веселову прилетело. Прямо в челюсть. От этого самого молодого волка... От Волчка хренова!!!

Удар у паршивца оказался крепкий, несмотря на дурь. Или благодаря дури? Челюсть сначала заныла, а потом онемела. Хоть бы не было перелома, а то накроется путешествие на севера, придется ложиться в больницу Чернова на полный пансион. Чернов, который левой рукой держал за шкуру обмякшего мажора, а второй зарядил в скулу гопнику, словно услышал мысли друга, глянул вопросительно.

— Все в порядке, — прорычал Веселов. — Дядя только разберется с мальчиком...

Он не дрался уже давно: со студенческих лет, считай, не дрался. Да и в студенчестве предпочитал решать конфликты мирным путем, но сейчас мирным путем не получалось. Сейчас все дикое и первобытное в нем требовало крови.

Удар пришелся мажору под дых. Обычно после такого удара оппонент аккуратно складывается пополам и ползком покидает поле боя. Но этот упертый и упоротый даже не ойкнул, только глаза на его бледном лице стали еще чернее, только губы растянулись в улыбке, больше похожей на оскал. Он двинул на Веселова с настойчивостью бульдозера: худой, жилистый, мажористый. Какой-то нынче боевитый мажор пошел, новая генерация...

Веселову не хотелось устраивать избиение младенцев, но если младенец настаивает и прет буром, можно списать собственную ярость на вынужденную самооборону. Тем более врезать мажору хотелось так, что аж кулаки зачесались.

Он и врзал. Сначала в челюсть, потом снова под дых и третьим разом добрым часом в область селезенки. На сей раз не сильно, чтобы не случилось непоправимого и теперь уже мажор не стал клиентом Чернова. А мажор все пер и пер, будто не чувствовал боли. Чистый зомби! Даже жутко как-то... И бить такого уже не хочется, потому что ненароком можно зашибить насмерть, а уклоняться как-то не комильфо.

Их противостоянию положила конец бейсбольная бита. Она с гулким стуком встретила с затылком зомби. На мгновение Веселову показалось, что зомби такая фигня не остановит и придется по законам жанра отпиливать ему башку, но мажор замер, моргнул. Взгляд его

из бездумно-черного на мгновение сделался по-человечески удивленным, и он начал медленно заваливаться вперед, прямо на Веселова. Веселов сделал шаг назад, с благодарностью посмотрел на Жертву.

— Чем мог, — сказал Жертва с достоинством. — Ты, я смотрю, уж больно жалостливый.

— Я не жалостливый, я этого звереныша убить боялся...

А звереныш с приглушенным стуком рухнул на залитый пивом и еще какой-то фигней пол и больше не шевелился. Довоевался чокнутый зомби...

Кстати, бой закончился. И мажоры, и гопники аккуратным рядком лежали на полу. Девицы больше не визжали, одна из них с восторгом поглядывала на Гальяно. Может, узнала? Или такие висают только в «Инстаграме», а «Ютьюбом» пользоваться не умеют?

Гальяно же с тоской разглядывал свою некогда белоснежную, а сейчас заляпанную чем-то красным рубашку. Веселов надеялся, что это все-таки вино, а не кровь.

Чернов с задумчивым видом осматривал пострадавших. Все-таки он был врачом и давал какие-то там клятвы. Судя по всему, опасения у него вызвал только волчок-отморозок.

— Сотрясение будет — сто процентов, — сказал он, оттягивая вверх веко волчка. — И УЗИ внутренних органов сделать не помешало бы. На всякий случай. — Он бросил быстрый взгляд на Веселова, сказал с легким укором: — Ты месил его не по-детски, Димон.

— Так и он пер не по-детски. — Веселов присел на корточки рядом с Черновым, заглянул в лицо поверженному противнику.

Лицо было спокойным, если не сказать, расслабленным. Пацан, самый обыкновенный пацан. Годков так двадцати. Казался бы обыкновенным, если бы не вот эта дикая, звериная какая-то упертость и упорность. Белая, лишенная даже намека на румянец кожа. Волос длинный, почти такой же, как у Гальяно, странно-серого, почти седого цвета, ресницы черные, словно подкрашенные тушью. А может, и подведенные, кто их знает, этих обдолбанных мажоров! Под глазами синие круги, как от долгой, хронической бессонницы, на левой скуле наливается фингал, подбитый глаз скоро заплывет и закроется на пару деньков. Впрочем, собственный веселовский глаз тоже скоро заплывет. Уже начинает...

— Звони в полицию, — сказал Чернов, обращаясь к Жертве.

Жертва старательно вытирал полотенцем битую. Уничтожал улики? Вид у него был одновременно пришибленный и возбужденный.

— Уже, — сказал он, тяжело вздохнул и спросил: — А вы намерены полицию дожидаться?

— Мы намерены, — заверил его Чернов, выпрямляясь в полный рост.

— Рубашку мне Лена в Милане покупала. — Гальяно с тоской смотрел на свое залитое вином пузо. — Это ж ей теперь как, рубашечке моей?

— Совсем не как! — Девица, самая шустрая и бойкая, отлипла от стены, к которой жалась во время побоища, шагнула к Гальяно и осторожно, словно боясь обжечься, положила ладонь ему на грудь. — Надо солью засыпать. Соль должна помочь. — Во взгляде ее

уже зарождалось обожание. Гальяно вздохнул, посмотрел на Жертву.

— Соль есть, — сказал тот. — Сейчас принесу.

А девица уже тащила с Гальяно рубашку. Вот такая скорость сближения. Можно только позавидовать гальяновской харизме.

— Вы же берсерки? — произнесла она не то вопросительно, не то утвердительно. — Я на вас подписана! — добавила восторженно. — Я им сразу сказала, что это вы, а они не поверили.

— Им — это кому? — Гальяно раздевался не то чтобы с радостью, но и без особого смущения. Наверное, не терял надежды спасти подаренную женой рубашку.

— Им. — Девица кивнула в сторону мажоров. Чернов предусмотрительно рассортировал молодняк по классовой принадлежности. — Я с Ником пришла. Думала, он меня в приличное какое место отведет, а он сюда...

— У меня заведение экстра-класса! — На бледных щеках Жертвы вспыхнул яркий румянец негодования, но девица, кажется, его даже не услышала, она ощупывала рельефный торс Гальяно, словно искала на нем боевые раны.

Гальяно поймал насмешливый взгляд Веселова, воздел очи к потолку.

— А Ник у нас кто? — спросил он, мягко, но решительно отстыковавшись от девицы.

— Он. — Девица обиженно надула и без того выпяченные губы. Интересно, свои или тюнинг? Надо будет у Чернова спросить, он как-никак врач, должен разби-

раться. — Вот он! — Девушка махнула рукой в сторону волчка. — Мы только сегодня познакомились.

Только познакомились и сразу по значным местам... Вот молодежь пошла...

— А вы его чуть не убили! — Она с укором посмотрела на Веселова. — Я видела, как вы его...

— А как он меня? — ласково спросил Веселов. — А как он дурью закидывался и водкой зашлифовывал, вы видели, милая барышня? Или вы вместе с ним?

— Да вы что?! — Она отшатнулась, словно от щечины. — Я не по этой части! Я пила только мартини!

— В моем заведении не подают этот богомерзкий напиток, — сказал Жертва мстительно.

— Зато дурь подают!

А девушке палец в рот не клади. Вот оно — поколение «некст».

— Выясним, — пообещал Жертва и заиграл желваками. Хозяина заведения можно было понять, разборки с полицией никому не хочется.

А полицейские — легки на помине! — явились неожиданно быстро. И завертелось! В какой-то момент Веселов серьезно пожалел, что вмешался. Слишком много всякой волокиты, слишком много неудобных вопросов. Но не бросать же Жертву в беде! Пришлось отвечать на вопросы, подписывать какие-то протоколы, оставлять контакты для связи.

Домой Веселов вернулся только под утро, посмотрел на себя в зеркало, чертыхнулся и завалился спать. Утро вечера мудренее. Утром можно будет поискать информацию о загадочном северном городе Хивусе.

Чернов

Все завертелось как-то неожиданно быстро. Гальяно позвонил вечером тридцать первого декабря. Чернов с Темычем как раз закончили украшать посаженную еще по весне елку. На елке настояла Нина, чтобы была вот именно для таких торжественных случаев и для атмосферы. Трехметровую и лохматую елку притащили в огромной кадке, высаживали с танцами и бубнами, велели следить, холить и лелеять. Хотя бы первый год, пока не приживется. А когда следить, если в доме у Темной воды они наскоками: летом да по таким вот праздникам? Елке пришлось расти самой, на лес глядя. И ничего, как-то выжила! Гирлянду привезли с собой, гирлянду и еще какой-то разноцветной мишуры. Чернов не вникал. Уютом и всем сопряженным с этим занималась Нина, он работал добытчиком, опорой и каменной стеной. Такой расклад устраивал всех заинтересованных лиц.

К вечеру мороз усилился, и на еловых лапах заискрился иней. Чернов включил гирлянду и отошел в сторону, любуясь сотворенной красотой. Получилось ничего так, вполне уютненько, а главное — симметрично. На симметрии особенно настаивала Нина. Вот в этот хрупкий момент созерцания и запиликал мобильный.

— С наступающим! — гаркнул Гальяно в трубку. — Уже за праздничным столом?

— Скоро. — Чернов пощелкал пультом, и огоньки на елке истерично замигали.

— Вот и мы скоро. Ленка с Гальянычем вам привет передают.

— И мы! И вам! — Чернов покивал, снова щелкнул пультом, прекращая мигание. — Приехали бы лучше лично поздравили. — Он зазывал к себе в гости Гальяно с семейством уже года два как, но все никак не получалось состыковаться.

— Готов? — спросил Гальяно, понизив голос почти до шепота.

— А уже пора? — так же шепотом спросил Чернов.

— Ну, неделя у нас на все про все. Восьмого января вылетаем. Успеешь управиться?

Конечно, он успеет. Он уже на всякий случай управился: всех проинструктировал, распределил обязанности, раздал цеу, даже Нине с Темычем сообщил о своем намерении сгонять на севера. Нину эта идея не воодушевила. Оно и понятно — экстрим и все такое! Но отговаривать она не стала, только спросила, обязательно ли ему ввязываться в эту авантюру. Чернов сказал, обязательно, потому что он врач, и, случись что, вся надежда будет только на него. А Темыч тут же возжелал ехать на севера вместе с Черновым. Пришлось отговаривать, уговаривать и обещать другую экспедицию. Но, как бы то ни было, все утряслось. Он подготовился к экспедиции и, сказать по правде, вот этого звонка Гальяно ждал с нетерпением.

— Я управлюсь, — пообещал он и помахал вышедшей на террасу Нине. — Второго числа буду на месте. Помощь нужна?

— Не откажусь. Я тут последнее время кручусь, как белка в колесе. Димон свалил на какую-то свою конференцию в Прагу, вернется только пятого. Поэтому я пока один в поле воин. Зато со спонсорами уже все реше-

но, осталось только контракты поподписывать и провести тест-драйв спонсорской машинки.

— Про остальных членов экспедиции что-то слышно? — спросил Чернов, перекладывая телефон к другому уху и прижимая его плечом.

С террасы соскользнула серая тень, блеснула в темноте красными глазами и всей своей немалой тушей навалилась на визжащего от избытка чувств Темыча. Это Сушь решил покинуть уютное тепло кухни и присоединиться, наконец, к мужской компании. За два года зверь вырос изрядно, в холке был почти метр и, кажется, все еще продолжал расти. К нему с великим интересом присматривались кинологи, заводчики и зоологи, а простые обыватели интересовались породой. Приходилось отбиваться от кинологов-зоологов и врать обывателям. Разве расскажешь, кем на самом деле является эта зверюга? Да, сказать по правде, Чернов и сам до конца не понимал. Вернувшийся в обличье щенка Сушь, похоже, подзабыл некоторые свои прошлые умения. По крайней мере, исчезать и трансформироваться разучился. Но Нина считала, что это потому, что Сушь все еще ребенок. Это в два собачьих-то года! А когда вырастет, все прежние навыки и таланты к нему разом вернуться. Ну, Нине виднее, хотя Чернов этих талантов малость опасался. Успокаивало его лишь то, что все их семейство и тех, кого они включили в ближний круг, Сушь любил с присущей только собакам преданностью. А Темыча так и во все обожал.

— Там пока непонятки, — сказал Гальяно уклончиво. — Но ты, Вадим, не волнуйся, вылетим уже почти полным составом. Это я тебе гарантирую.

— Знать бы еще, что это за состав. — Сюрпризов Чернов не любил, все в своей жизни старался просчитывать заранее.

— Нормальный будет состав, не парься. — Вот только не было в голосе Гальяно стопроцентной уверенности. Это настораживало.

Они еще раз поздравили друг друга с наступающим, пожелали себе всего самого-самого и удачной экспедиции и договорились о встрече через пару дней.

* * *

В экспедицию Чернова собирали, как на войну или в армию. Даже небольшие проводы по этому поводу устроили. Нина позвала отца, Якова с Ксюшей и Шипичиху. Чернов думал, что старая ведьма не придет, но она явилась. Потрепала Сушь по вздыбившемуся загривку, кивнула Нине, улыбнулась Темычу, а на Чернова посмотрела как-то очень уж пристально.

— Куда? — спросила сухо, словно бы равнодушно.

Так и хотелось ответить: «Туда», но он сдержался.

— На север, — ответил он коротко.

Она долго молчала, сверлила его недобрым взглядом, а потом сказала:

— Сушь с собой возьми.

Чернов представил себе эту картину, представил, как запикивает вымахавшего до размера теленка зверя в салон внедорожника, а потом в самолет, усмехнулся. Да и собираются они не на загородную прогулку.

— Не возьмешь. — Шипичиха, кажется, не удивилась и не расстроилась. — Ну и ладно, все равно он

в полную силу еще не скоро войдет, только через тридцать три года.

Вот это поворот! Нормальный такой у осторожных духов детский возраст!

— А расти еще долго будет? — осторожно поинтересовался Чернов. Помнил, как-никак, истинные габариты своего домашнего питомца.

— А это зависит от того, как ты его кормить будешь, — усмехнулась вредная старуха, а потом вдруг сделалась очень серьезной и, понизив голос, добавила:

— Ты осторожнее там, Вадим. — Впервые она назвала его по имени. Даже как-то непривычно. — Хочу вперед заглянуть, а ничего не вижу. Метель перед глазами. Метель и тени. Разные тени, Вадим, и не только человеческие. Вот он, — она кивнула в сторону Сущи, — их бы разглядел. Разглядел и уберег. Если бы в силе был.

— ... Но в силу он войдет только через тридцать лет и три года, так что и говорить не о чем.

— Темно там... — Старуха теперь смотрела вроде как и на Чернова, а вроде как в пустоту. — Чернота непроглядная... Тревожно мне, — произнесла она уже совсем мягко, он аж вздрогнул от удивления. А еще от этих ее радужных прогнозов. — Я ни зла, ни силы такой не встречала. Нездешнее зло, холодное, голодное. — Она замолчала, сощурилась, словно пытаясь разглядеть что-то невидимое обычным взглядом, а потом неожиданно улыбнулась.

— Увидели что-то новенькое? — вежливо поинтересовался Чернов.

— Кто ж вас таких призвал? — вопросом на вопрос ответила она и, досадливо махнув на него рукой, отвернулась.

Чернов знал, кто их призвал. Степан Тучников — миллиардер, меценат, фантазер, не ограниченный в средствах. А вот самого Чернова гораздо сильнее интересовал другой вопрос: не «кто», а «зачем». Еще это «призвал»... Как будто они духи какие или рыцари света... Загривка словно бы коснулась холодная рука, как будто Хивус, лютый северный ветер, дотянулся до него через тысячи километров, пометил своей ледяной печатью.

— За Ниной с малым я присмотрю, — пообещала старуха, по-прежнему не глядя в его сторону. — И успокою. Нервничает она. Чует то же, что и я, потому и нервничает.

Нервничает. Нина всегда нервничает, когда он уезжает далеко и надолго. Но отпускает, потому что понимает, что Чернову, как и любому нормальному мужику, жизненно необходима эта лихая вольница. Вот только сейчас тревоги в ее глазах больше, и болотные огни в них вспыхивают все ярче и ярче. Надо бы как-то успокоить, наобещать всякого. Может, поездку в какие-нибудь жаркие страны, к морю, к экзотике. А что? Оставят Сущь под присмотром Шипичихи и рванут! Вот после севера сразу и рванут. Или лучше недельки через две-три, чтобы успеть разгрести завалы в центре, если они там появятся за время отсутствия. На том и успокоился. Да и чего волноваться раньше времени? Умеют же женщины устроить проблему из ничего на ровном месте!

Гальяно

Гальяно пребывал в радостном нетерпении. С одной стороны — путешествие на край земли! С другой — встреча со старым другом, с которым не виделись уже сто лет. Была еще и третья сторона, уже не такая радостная, до конца еще не распознанная.

Туча темнил. Общались они через Интернет. В славном городе Хивусе имелся спутниковый Интернет очень даже неплохого качества. Лицо у Тучи было такое, с каким только в покер и играть, классический покер-фейс. Аж не верится, что много лет назад этот решительный, матерый дядька был зашуганным, неуверенным в себе жиробасом, на которого не взглянешь без жалости. Но с тех пор много воды утекло. Из их четверки, пожалуй, именно Туча изменился сильнее всех. И дело тут было вовсе не в деньгах. Все из их компании были весьма успешными и состоятельными мэнами, грех жаловаться! Дело было в чем-то другом, неуловимом. Туча менялся сам и менял мир вокруг себя. Этаким демиург с неограниченным запасом ресурсов. После событий самой темной ночи все они более или менее угомонились и остепенились, а Туча рвался вперед с несокрушимостью мамонта. Пospеть за ним было тяжело, как-то незаметно за бортом осталась Ангелина, первая жена. Потом вторая, кажется, какая-то французская модель. Потом третья, весьма ученая девица с оксфордским произношением и оксфордским же образованием. А потом Гальяно сбился со счета. Впрочем, больше Туча не женился, предпочитал оставаться холостяком. Одним из самых завидных холостяков мира, если уж начистоту!

Они поддерживали связь все эти годы. Нормальную такую человеческую связь, а не обмен банальными, никому не нужными поздравлениями с днями рождения и прочими праздничными датами. Гальяно, Дэн и Матвей гуляли на всех его трех свадьбах. И позвонить они могли Туче напрямую, минуя бессчетное множество его секретарей. В любое время дня и ночи. Тем более никогда нельзя было заранее узнать, в каком часовом поясе находится неугомонный Туча. Вот такая у них была дружба, зацементированная на страхе, крови и молодецких подвигах. Наверное, потому и нерушимая, несмотря ни на что.

На сей раз Туча позвонил первым. Его звонок выдернул Гальяно из сладкого предрассветного сна и немного напугал. Уж Туча-то точно знал, в каком часовом поясе живет его старый друг, поэтому без лишней надобности никогда не звонил.

Разговор у них получился странный, оставивший после себя горько-дымный привкус.словно бы на несколько бесконечно долгих мгновений они с Тучей перенесли на Чудову гарь, в самый центр припорошенного пеплом пятачка, под корявую сень обожженного дуба.

Туча звал в гости. Настоятельно звал, обещал оплатить все расходы и показать северное сияние. И голос его был спокоен, и покер-фейс не выдавал ни единой эмоции, но Гальяно кожей почувствовал неладное. Это «неладное» было того специфического сорта, когда непоправимое еще не случилось, но ты точно знаешь, что оно вот-вот случится. Не представляешь только, откуда ждать беды. Туча и не представлял. Потому что, если бы он что-то знал, то не стал бы темнить, ходить вокруг

да около. Потому что проблему, озвученную Гальяно, он мог бы запросто решить собственными силами. Или силами специально обученных людей. Но ему понадобился не высококлассный наемник, а лучший друг. Впрочем, про высококлассного наемника Туча тоже не забыл. Фамилия этого человека была не на слуху, но сильные мира сего ее хорошо знали и телефонный номер его предпочитали иметь на быстром наборе. Гальяно не причислял себя к финансовой элите страны, но знал многое. Такая уж у него была интересная жизнь.

— Время терпит? — только и спросил он тогда.

— Думаю, месяц у нас есть. Ты хочешь прокатиться своим ходом? — В голосе Тучи послышалась улыбка.

— А ты в курсе моего скромного увлечения?! — удивился Гальяно.

— Я подписан на твой канал. Даже оставляю там комменты.

— Да ты что?! А под каким ником?

— Не скажу. — Туча на краю земли продолжал улыбаться. — Но могу предложить спонсорскую помощь. Попиаришь мой новый энергетик. Скажу честно, это прорыв в нейрофизиологии и фармакологии. Тебе он должен понравиться.

— Спонсоров я и сам найду. — Мысленно Гальяно уже перебирал длинную очередь из фирм и контор, которые не отказались бы от того, чтобы их логотипы засветились на его канале. — А твой чудо-энергетик пропиарю совершенно бесплатно, так сказать, по старой дружбе. Ты только пришли мне ящик этого своего пойла.

— Пришлю два, — пообещал Туча. — В одном ящике двадцать четыре банки. Вам должно хватить.